Живет в Москве (Россия). Визитная карточка участника.

Человечье

Отогрел в ладонях бы сам Сварог
память – время – бусинку – узелок,
разделяя явь на своих и дальних,
человеки весь свой надмирный срок,
пили бы корнями грунтовый сок,
понимая, что без корней - лишь камни...
сказка – ложь, икоту прогнал испуг, -
смерть ворует близких, кладет в сундук,
говорят не выследить, не постичь, но
под качанье зыбки, прозрев к утру,
человек человеку - гончарный круг
до последней горсточки черепичной...

Дремлет кот, и сажи черней восток,
и сверчок уже потерял шесток

/перебрался просто поближе к печке/.
Оперяя крылья, расправив плечи,
набирая смелости в шепоток,
прорастает, словно весной росток,
простодушье тихое человечье.

Паданки

Вечер срывался паданкой:
«Впусти, впусти...»
Счастье и горе – ладанки
одной горсти.
Выть в голос нынче есть о ком,
и завтра есть.
Спит под нательным крестиком.
Как звать? Бог весть...
Были. Сгорели... Сколько их?
Кругом зола...
Смерть, собирать потерянных
в подол, пришла.
Пчёлы свинцеголовые –
с летка «фюить»...
Хватит молитвослову ли
страниц, словить?
Ключник крестился, вздрагивал.
Закат алел –
райского сада паданки
в седой золе...

Осколки

1.
По безударным гласным – несогласным,
Всем сёстрам – по бирюлькам и серьгам,
Весне – дорогу, реки – берегам,
Военным – мира, сексу – безопасность,
Всем гипсовым – по парку и веслу,
Всем девам – непорочного зачатья,
Мне – меж лопаток бабочью иглу,
Тебе – сачок, пенсне, пинцет и ... счастья.

2.
двадцать слов тибетской тишины
в жёлтом замусоленном конверте

двадцать от отчаянья до смерти
двадцать от любви и до войны
все слова на буквы раскрошила
в истину вина сухой вины
жду когда в моих остынут жилах
двадцать слов тибетской тишины

3.
Ах ты, батюшки, княжий омут!
Да ещё не подтаял лёд,
но девицы без спросу тонут,
в подресничный ныряя лёт
этих глаз. По сердечной кромке
бродят, словно на крестный ход...
Князь, ты им подстели соломки,
что утонет, что огнь сожрёт...
Знать в морозные поцелуи
настигает стрела и...ах...
Да, мне страшно. Я, княже, чую,
что трещит под ногами страх...

P.S.
Ловцу снежинок, сказок и теней
так давит шею шарф, молитва – горло.
Февраль – торговец днями, фарисей,
сожжёт метели ладаном прогорклым.
Здесь святки затянулись на века,
гадать не хватит воска и картона...
И что гадать? Когда наверняка
весну и блажь уже набрал в бутоны
в горшке цветочном сказочный стожар.

А в небе, цвета краденого солнца,
летит, летит чужой воздушный шар,
и девочка... отчаянно смеётся...

Марина Павлова. "Майолика"

Автор: Оргкомитет
08.09.2016 15:30